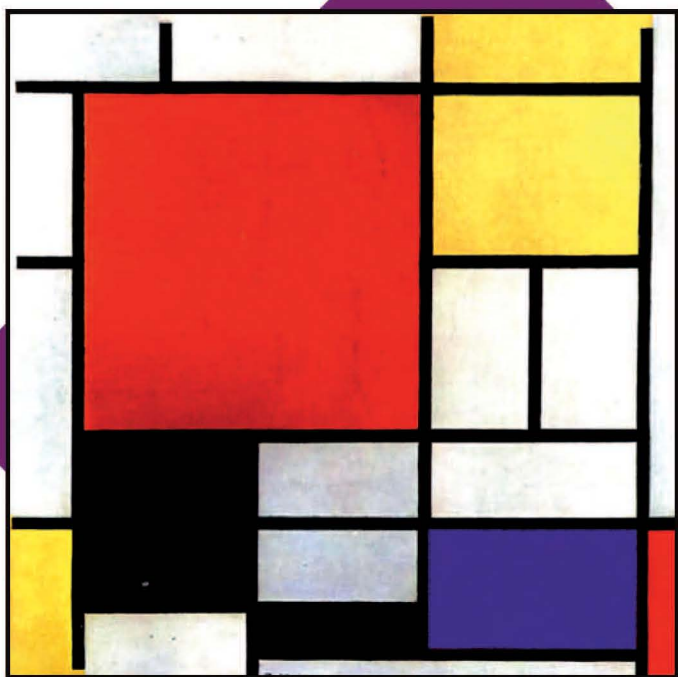

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
И ДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Б. Шатуновский

PHILOLOGICA

STUDIA

УНИВЕРСИТЕТ «ДУБНА»

И. Б. Шатуновский

РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
И ДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

УДК 811
ББК 81
Ш 29

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 16-04-16025

Шатуновский И. Б.

Ш 29 Речевые действия и действия мысли в русском языке — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 480 с. (Studia philologica).

ISBN 978-5-9908330-1-2

Монография посвящена исследованию широкого круга проблем, имеющих большое значение не только для лингвистики, но также для общей теории деятельности, психологии, логики, лингвистической философии и философии языка.

Рассмотрены различные типы действий, выполняемых посредством языка (другими словами, различные функционально-семантические типы высказываний, поскольку элементарным и базовым языковым действием является высказывание). Три основных группы действий, исследованные в работе, — это речевые (иллокутивные) акты, перлокутивные действия и действия мысли. Выделены и охарактеризованы различные не прямые способы передачи смысла: косвенные речевые акты, компрессированные цепочки речевых актов, намеки и иронические высказывания. Особое внимание уделено роли языка как средства мысли. Исследованы предложения, посредством которых описываются и совершаются акты мысли в русском языке, выделены и описаны различные виды действий мысли.

УДК 811
ББК 81

*В оформлении переплета использована работа П. Мондриана
«Композиция с большой красной плоскостью,
желтым, черным, серым и синим».*

ISBN 978-5-9908330-1-2

© Издательский Дом ЯСК, 2016
© Шатуновский И. Б., 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений и условных обозначений	5
Введение	7
Глава 1. Речевые акты предложения.	17
Глава 2. Речевые акты разрешения и запрещения.	35
Глава 3. Дескриптивные высказывания и их типы.	45
Глава 4. Три вида мнения	83
Глава 5. Основные принципы и способы интродукции объектов в дискурсе.	103
Глава 6. Предложения наличия	121
Глава 7. Общие (полные) вопросы в русском языке.	135
Глава 8. Основные типы косвенных вопросов и соотносительных с ними независимых высказываний.	181
Глава 9. Риторические вопросы и их типы	211
Глава 10. 6 способов косвенного выражения смысла.	247
Глава 11. Ирония и ее виды.	263
Глава 12. Перлокутивные действия и их виды	303
Глава 13. Язык и действия мысли.	359
Литература	445
Предметный указатель.	463
Указатель слов	473

*Всё должно быть изложено так просто,
как только возможно.
Но не проще
(А. Эйнштейн)*

ВВЕДЕНИЕ

Задача данной работы — исследование языка на том прагматико-семантическом уровне, где язык является частью и формой жизни [Гумбольдт 1984: 112; Wittgenstein 1953]. Подобное исследование представляет собой вершинный уровень лингвистической теории и интегрирует данные всех других уровней, прежде всего, разумеется, наиболее близких к «вершине» — лексической и синтаксической семантики, коммуникативного синтаксиса и лингвистической прагматики. Поскольку язык (на этом уровне) и жизнь невозможно разделить, изучение языка будет одновременно изучением тех сфер жизни, в которые язык включен как неотъемлемая часть.

Поскольку жизнь (в широком, не биологическом понимании) есть не процесс, а деятельность, а жить — значит действовать, изучение языка как формы жизни и в связи с жизнью означает изучение **действий** в языке и с помощью языка. Элементарным, базовым **речевым действием** в самом широком и общем смысле является **высказывание** — произнесение (или, растягивая значение слова *высказывание*, написание) определенного предложения определенным человеком с определенной целью в определенной ситуации. Поэтому задачу данной работы можно было бы также определить как исследование значения и употребления различных

функционально-семантических типов высказываний (как действий и как результатов этих действий — высказанных предложений). В то же время задача и область исследования нашей работы шире, чем предполагается данной формулировкой, поскольку существуют и играют неизмеримо важную роль такие «произведения» языка, которые было бы странно назвать речевыми действиями или высказываниями, — это «**произведения**» (как действия и как результат) **мысли**. Здесь мы впервые сталкиваемся с трудностью, которая и в дальнейшем будет преследовать нас — с тем, что для наиболее общих (и поэтому наиболее важных с общетеоретической точки зрения) категорий в обычном и научном языке нет названий. Чтобы преодолеть эту недостаточность, можно пойти по пути Пирса, предпочитавшего «изобретение новых слов для новых идей» [Пирс 2000: 162], или же «растянуть» значения существующих слов так, чтобы они покрывали интересующую нас область (что мы только что сделали с термином *высказывание* и будем делать и в дальнейшем), или же использовать конъюнктивные наименования, то есть перечисления видов одного общего не имеющего названия рода с целью указать на этот род. Именно последний способ использовали мы, чтобы обозначить область нашего исследования — **речевые действия и действия мысли**.

Возникает вопрос: действия в языке — или в речи¹? Ответ: в речи, но тем самым — и в языке. Описание языка в его единстве с жизнью и деятельностью человека предполагает не только интеграцию различных аспектов и уровней языковой системы, но и соединение языка с речью. Разделение и противопоставление языка и речи было чрезвычайно важно с теоретической и практической точки зрения, но при этом не надо забывать, что это разделение и противопоставление в рамках единого целого, которое в обыденном языке называется то «язык», то «речь», но для которого лучше было бы придумать особый термин, скажем, «речезык». (Подобный

¹ Для действий мысли — в **мысли**, поскольку мы не хотим обозначать действия мысли как речь. В то же время мы на протяжении дальнейшего рассуждения, поскольку мы не придумали общего названия для языковой деятельности создания речевых произведений и языковой деятельности создания мыслей, будем использовать термин *речь* расширительно, имея в виду все актуальные произведения, создаваемые / созданные посредством языка и противопоставленные ему.

термин есть у Бахтина, который говорил о «языке-речи»: «Действительной реальностью языка-речи является ... социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Бахтин 2000: 97 — 98].) В этой области между языком и речью не пропасть, но континуум переходов от максимальной конвенционализированности и отвлеченности от конкретных ситуаций употребления через все менее и менее конвенционализированные и все более и более ситуативные типы употреблений до конкретного единичного актуального высказывания. В каждом высказывании / «произведении речи / мысли» есть нечто повторяющееся в других «произведениях», и это «повторяющееся» и есть язык — в той или иной степени, и чем чаще оно повторяется, тем в большей степени оно относится к языку. И эта «слитность» особенно характерна для «произведений», находящихся на наиболее близком к жизни уровне «речеязыка».

Различие между языком и речью проявляется, если говорить об отдельных языковых единицах, в различии значения (в языке) и употребления (в речи) этих языковых единиц. Значение и употребление языковых единиц в данной работе в соответствии с ее общей идеей и задачей не противопоставляется и не отождествляется (как у Витгенштейна [Wittgenstein 1953]), но **разграничивается**. Различные употребления в речи / мысли языковых единиц определяются их значением в языке, и наоборот, значение высказываний и отдельных слов определяется их функционированием в различных жизненных ситуациях и, собственно, является конвенционализированным, фиксированным, ассоциированным с данной единицей «пучком» употреблений (возможности употребления, ассоциированные с языковой единицей, являются ее значением). При этом невозможно провести четкую границу между значением и употреблением, поскольку существуют разные степени конвенционализации и фразеологизации тех или иных употреблений, и какие-то смысловые элементы могут быть «значением» в большей или меньшей степени, и каждое, даже единичное и окказиональное употребление уже вступило на тот путь, на котором оно, если будет продолжать движение, станет значением. Чем чаще возникают в различных жизненных контекстах те или иные ситуативные и выводные компоненты, тем в большей степени они ассоциируются с данной единицей и тем в большей степени они являются значением. При этом при употреблении

любой языковой единицы действует (но в более обобщенном виде) принцип, которым определяется употребление производных слов: такое слово при каждом употреблении одновременно и **воспроизводится** (извлекается из языковой системы как готовая единица с присущим ему значением), и **производится** в данном употреблении (мотивируется его структурой и значением входящих в него частей, ситуацией и контекстом). Аналогично имеет место двоякая обусловленность содержания единицы в каждом отдельном употреблении: с одной стороны, единица в данном употреблении приобретает какие-то контекстуальные, ситуативные черты, компоненты, обусловленные спецификой **данного** употребления (ее содержание мотивируется значением входящих в нее частей — для высказывания — слов, ситуацией и контекстом), с другой — она вызывает в памяти те представления, которые ассоциировались с ней в прошлых употреблениях (компоненты её **значения**). Поэтому в дальнейшем мы не будем делать проблемы из вопроса: это значение или ситуативный, выводной компонент, импликатура — часто, особенно в некоторых областях (например, в случае иронических высказываний, риторических вопросов, отрицательных вопросов) — это **и то, и другое** — в какой-то степени. Ср. замечание С. Дики, который, говоря об особенностях когнитивной лингвистики, среди прочего отмечает отсутствие строгого разграничения между компетенцией и употреблением («No strict division between competence and performance») [Dickey 2015: 79].

Возвращаясь к характеристике проблематики и задач работы, отметим, что основным предметом исследования, в соответствии с объективным делением в области «речезыка», являются не две, а три основных группы, типа языковых действий, поскольку термин и понятие речевых действий обобщает два различных вида различного уровня действий, совершаемых посредством языка (в данном случае такое общее название нашлось). Это речевые (иллокутивные) акты (РА) (например, *утверждать, просить, предлагать* и т. д.) и перлокутивные акты и действия — речевые действия более высокого уровня, совершаемые посредством речевых актов (например, *убеждать, уговаривать, настаивать* и т. д.). При этом важно иметь в виду, что эти типы (группы) действий не отделены резко друг от друга и существует немало комбинированных, гибридных, переходных случаев (высказываний), совмещающих в себе различ-

ные функции и являющихся одновременно несколькими видами действий. Так, мысль может формулироваться в звуковой форме в присутствии другого человека, тогда созданное «произведение» это не только мысль, но и одновременно сообщение, или предложение, или проблемный, ставящий задачу найти ответ, вопрос. Например, произнесенное говорящим (Г) в присутствии адресата (А) о некотором третьем лице, которого они ждут и которое всё не появляется: *Она не заболела? ≈ Может быть, она заболела?* — мысль (вопрос-предположение), но одновременно и сообщение об этом предположении А-у, и предложение подумать над этим и, возможно, предпринять какие-то действия и найти ответ на этот вопрос. *Проводив доктора, она надолго ушла в ванную, и он слышал шум льющейся воды. «Плачет», — вяло подумал он.* (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве / НК)² — здесь «Плачет» — только мысль, но если бы это было сказано вслух в присутствии А-а, то это могло бы быть одновременно дескрипцией объективного Р и сообщением о нем А-у. *Не стащить ли нам яйцо, оставленное муравьями?* — **предложил** Громеко. *Эта мысль сначала понравилась, но затем возникли некоторые сомнения.* (В. А. Обручев. Плутония / НК) — здесь, как видно из анафорических классификаторов, вопросительное высказывание является одновременно предложением и мыслью.

Вследствие этих объективных пересечений и совмещений тематически пересекаются и различные разделы нашей работы. Так, говоря о вопросах, мы должны говорить и о действиях мысли, поскольку многие виды действий мысли совершаются посредством вопросов. С другой стороны, в разделе о действиях мысли мы не можем никак обойти различные типы вопросов, поскольку, с одной стороны, не все вопросы могут быть средством мысли, с другой стороны, разные виды вопросов образуют разные виды мысли. Далее, говоря о тех же вопросах, мы не можем обойти случаи, когда вопросы частично выходят за пределы собственно вопросов и становятся различного вида дескриптивными высказываниями — сообщениями, констатациями или утверждениями (вопросы-предположения, риторические вопросы, не-вопросы). И т. п.

² Здесь и далее НК = Национальный корпус русского языка — ruscorpora.ru.

При этом понятно, что рассмотреть не только **все** типы высказываний / действий языка, но только все виды речевых актов, или даже все типы одних только вопросов, или перлокутивных действий в рамках одной работы невозможно. Поэтому здесь будут рассмотрены наиболее важные виды и группы действий / высказываний. Так, можно представить язык без обязательств, тем более без поздравлений и извинений, но невозможно представить язык без дескриптивных высказываний, вопросов и побуждений. В соответствии с этим принципом в области речевых актов будут рассмотрены

— дескриптивные высказывания (сообщения, утверждения, объявления, заявления, констатации, уверения и т. д.);

— вопросы (континуальное море с массой переходных и гибридных типов, в том числе риторические вопросы);

— из побудительных высказываний рассматриваются весьма лингвоспецифичные, идиоматичные, образующие обширную и чрезвычайно разветвленную область РА предложения, будут рассмотрены также и весьма своеобразные, не побудительные, но примыкающие к ним РА разрешения и запрещения.

Помимо различий функционально-семантических, особые типы действий выделяются с точки зрения способа их совершения. Помимо прямых РА, существуют различные усложненные, не прямые, косвенные и т. д. виды действий. При этом различие в способах — это не только различие в способах, оно влечет дополнительные различия в значениях / функциях. Так, косвенные речевые акты, в частности РВ, или иронические высказывания, или намеки и т. д. имеют особые функции и задачи и поэтому никогда не являются эквивалентными соотносительным прямым РА, потому что в этом случае не было бы смысла выражать что-то косвенным, непрямым, усложненным образом, так что оно, в соответствии с принципами Грайса [Грайс 1985], и не выжалось бы. Именно с этих позиций и с задачей выявления функционально-семантических особенностей и различий в работе проанализированы различные косвенные способы совершения речевых актов, а также двусмысленные высказывания, намеки и образующие вершину речезыковой изощренности иронические высказывания.

Помимо основных типов, существуют и другие более или менее важные виды действий. В конце концов всё, что ни сказано или подумано на языке, является того или иного вида, того или иного уровня и

калибра действием, и, как было отмечено выше, часто одновременно несколькими действиями разного уровня и назначения. Таким, может быть, не самым капитальным, но важным для данного исследования является рассмотренное в особой главе действие интродукции объектов в дискурс и мир участников коммуникации. Это действие не является самостоятельным, оно накладывается как дополнительная функция на базовый РА того или иного вида, прежде всего, на дескриптивные высказывания. В то же время интродукция нового содержания, представления о новом положении дел (Р) является важной составляющей, важным аспектом и составляет специфику некоторых важных типов вопросов, высказываний мнения, а также действий мысли. Специализируются на интродуктивной функции предложения наличия, весьма лингвоспецифичные предложения русского языка, также рассмотренные в отдельной главе.

Предложения мнения, которым посвящена отдельная глава, сами по себе представляют один из видов дескриптивных высказываний, но особый и в рамках нашей темы, как, впрочем, и вообще, сам по себе, чрезвычайно важный. С одной стороны, эти предложения описывают внутренний мир субъекта, и Р — объекты мнения создаются **действием** ума, мысли субъекта. Тем самым они соприкасаются, граничат с действиями мысли, с которыми они в каких-то случаях сливаются до неразличимости и от которых их, тем не менее, нужно отличать. С другой стороны, они описывают субъективные Р, составляющие содержание ума субъекта (С), но эти субъективные Р отражают, описывают объективный, внешний по отношению к С мир. Такая двойственная природа предложений мнения позволяет им в 1-м лице чрезвычайно широко использоваться не просто как средство описания мнения, но как косвенные утверждения, касающиеся объективного, находящегося за пределами ума С-а мира.

Исследование речевых действий и действий мысли является одновременно исследованием **слов**, постольку, поскольку особенности и закономерности совершения и употребления различных речевых действий и действий мысли отражаются и фиксируются в значении обозначающих их лексических единиц — существительных и глаголов в перформативном, экспликативном и классифицирующем употреблении. Так, исследование высказываний, маркируемых в языке как утверждения, позволит ответить на вопрос, что такое в русском языке (поскольку это специфически русское слово,

не имеющее точных соответствий в других языках, в частности в английском) *утверждение* (= каково значение и правила употребления данного слова), а также глагола *утверждать*, исследование различных видов намеков (как дискурсивных действий) равносильно лексикографическому исследованию слов *намеки* и *намекает*, и т. п., наконец, исследование произведения и «произведений» мысли претендует ответить не только на вопрос, каково значение глаголов *думать* / *подумать* и других глаголов мысли в русском языке, но также на то, чтобы определить, выявить значение слова *мысль* и тем самым, возможно, приблизиться к пониманию того, что есть сама объективная (она же субъективная, точнее, субъективно-объективная, как говорил акад. В. В. Виноградов) мысль.

Работа выполнена, что отражено в заглавии, на базе и материале русского языка, объектом исследования является именно русский язык. Поскольку это следует из самого названия книги, мы опустили по стилистическим соображениям упоминание *в русском языке* в названиях глав и разделов книги. В то же время это не предполагает, что описываемые особенности и закономерности имеют место только в русском языке. Очень многие явления, как можно предположить, а иногда и с уверенностью логически заключить, универсальны, другие встречаются с различной степенью частоты и в других языках. Поэтому наше исследование не только о русском языке, но и о языке (и речи) вообще. В то же время какие-то области нашего исследования в большей или меньшей степени и некоторые весьма лингвоспецифичны. Это касается речевых актов предложений, типов дескриптивных высказываний, предложений наличия, типов и функций полных (общих) вопросов, в какой-то мере способов интродукции, видов перлокутивных глаголов и действий, а также глаголов и действий мысли, где важную роль играет противопоставление видов глагола — специфической категории русского языка. По мере наших сил и знаний мы старались отмечать такие особенности и проводить некоторые обобщения и сопоставления, прежде всего, на базе сравнения с английским языком. Однако полное и последовательное сопоставление этих явлений хотя бы в русском и английском языках и тем более разграничение лингвоспецифического и универсального в исследуемых феноменах за пределами наших сил и возможностей.

ГЛАВА 1

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ*

Речевые акты (РА) предложения образуют одну из наиболее сложных, разветвленных, внутренне неоднородных и идиоматичных групп РА. Это наглядно проявляется при сравнении с материалом других языков. Так, в английском языке сфера русского предложения делится между тремя разными глаголами: *suggest*, *propose* и *offer*. Зато в русском языке разделены по разным словам *предложение* и *предположение*, которые в английском языке объединены в *suggest (suggestion)*. С формальной точки зрения все предложения объединяются тем, что при их описании употребляются классификаторы *предлагать / предложить, предложение*. Это, конечно, то же самое, что сказать: все предложения объединяются тем, что они называются предложения; тем не менее, разумеется, то, что они называются одинаково, что-то значит и не случайно, оно предсказывает, что между всеми предложениями есть какая-то связь. Как и в других типах РА, одним из важнейших факторов, определяющих специфику речевого акта, являются отношения между говорящим

* Настоящая глава основывается на статье: *Шатуновский И. Б.* Речевые акты предложения: Фактор адресата // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М.: Индрик, 2012. С. 120—134.

(Г) и адресатом (А). Однако в области предложений фактор адресата [Арутюнова 1981] особенно важен, поскольку в различных видах предложений Г и А по-разному связаны, по-разному взаимодействуют друг с другом; эти различия, собственно, и определяют, дифференцируют различные виды предложений.

РА предложения относятся с некоторой долей условности к РА слабого побуждения, куда, кроме предложений, входят просьбы и советы¹. Все РА акты слабого побуждения объединяет то, что в отличие от РА сильного, категорического побуждения (приказов, распоряжений, требований, команд, повелений, указаний и т. д.), по правилам совершения РА этого типа ни до, ни после побуждения А не должен, не обязан делать действие (Р), к которому его побуждают, и делать или не делать Р остается в конечном итоге делом его выбора. Различия между этими РА сводятся в общих чертах и очень приблизительно проходят по 2 параметрам: (1) в чьих интересах (кому нужно, для кого оно хорошо) Р; (2) кто должен совершать это Р. *Просьба* — Р в интересах Г, а делать его должен А. *Совет* — Р в интересах А, и он же его должен делать. Наиболее сложная ситуация, вследствие его разветвленности и неоднородности, с *предложением*. С содержательной точки зрения, все (или, осторожнее, почти все) предложения объединяются тем, что говорящий выражает готовность сделать что-то или предоставить свои ресурсы для адресата [Безяева 2002: 338]; иными словами, Р в интересах А (не во всех видах — только А, но по крайней мере, Р всегда **и в интересах А**), но что-то сделать для его осуществления, потратить свои «ресурсы» — материальные или физические, свои силы, время, энергию должен Г. Без участия в том или ином виде, тем или иным образом Г Р не может быть осуществлено. Иногда это Р должен сделать сам Г, и только Г, иногда он это делает вместе с А, наконец, в третьем случае, действует А, а Г создает ему условия (ср. [Гловинская 1993б: 184]). При этом осуществление Р **всегда обусловлено выбором А** [Безяева 2002: 338—339]; оно будет, если А его выберет, в том числе и тогда, когда это действие Г. Поскольку

¹ Условность этого отнесения связана с тем, что компонент побуждения в предложении ослаблен, редуцирован (см. далее), а в ряде случаев предложение вообще выходит за пределы собственно побуждения. Так, трудно назвать побуждением высказывания, в которых адресату предлагается действие говорящего: *Давайте я помогу вам!*

условием осуществления всех РА предложения, в том числе и тех, которые делает только А, является выбор А, а выбор определяется желанием и «срастается» с ним в значении слова *хотеть*, типичной косвенной формой всех предложений является предложение через вопрос о желании А: *Хочешь чаю? Вы не хотите сыграть партию в шашки? Хотите, я вам спою?*

Предложение предоставляет А наибольшую свободу выбора. Просьбу трудно отвергнуть по этикетно-этическим соображениям. Хотя по собственно языковым правилам совершения просьбы в воле А делать или не делать Р, на более высоком этико-этикетном уровне просьба — это весьма сильный РА, поскольку по правилам этики и вежливости А должен делать все, что возможно, в интересах другого человека, в данном случае Г. Поэтому просьбу очень трудно отвергнуть: отклонить просьбу Г, которая ведь в интересах Г, а не А, — значит нарушить общечеловеческий этический принцип ‘делай всё, что возможно, для другого человека (если это не влечет для тебя чрезвычайного ущерба)’ и тем самым оказаться невежливым, эгоистичным, нехорошим человеком. Поэтому в перформативном употреблении просьба (собственно просьба) — весьма настоятельный РА, *Я прошу* иногда ≈ *Я умоляю* (*Я прошу (вас), не оставляйте меня!*), а иногда ≈ *Я требую* (*Я прошу (вас) не разговаривать со мной в таком тоне!*)². Совет также трудно отвергнуть, не обидев другого человека. Отказаться здесь — значит не оценить доброе расположение к тебе и компетентность (тот, кто дает совет, хорошо разбирается в предмете — это условие уместности совета) другого человека и в этом смысле унижить его. Поэтому даже вежливых формул отказа от совета, в отличие от отказа выполнить просьбу, не существует. Только грубые, типа: *Mind your own business! Не лезь не в свое дело! Без тебя знаю! Я не нуждаюсь в ваших советах.* Принципиально иная ситуация с предложением. Поскольку в случае предложения Г всегда должен делать что-то для осуществления Р, то есть тратить свое время, силы или какие-то материальные ресурсы, то отказаться от предложения, даже тогда, когда А хотел бы его принять, всегда **вежливо** (или, по крайней мере, нейтрально с

² Отсюда наличие во всех языках косвенных способов выражения просьбы, представляющих просьбу как не просьбу и дающих А возможность вежливо отказаться ее выполнить: *Вы не могли бы дать мне эту книгу до завтра?* — *К сожалению, нет: я должен...* (и какое-то объяснение).

точки зрения этикета, это зависит от вида предложения), поскольку этот отказ идет на пользу предлагающему субъекту. Наличие двух равно допустимых, как с точки зрения собственно языковой, так и с точки зрения прагматически-этикетной, возможностей — принять предложение или отказаться от него — делает предложение самым свободным, в смысле свободы дальнейших действий для А, РА. Компонент побуждения во всех видах предложения ослаблен: чем больше свободы, тем меньше побуждения — «принуждения» А к совершению тех или иных действий.

Перейдем теперь к описанию различных видов предложений.

Предложение₁ (*Давай(те) пойдём в кино! Я предлагаю пойти в кино*) совершается в следующей ситуации:

- 1) Р представляет собой совместное действие Г и А;
- 2) Р в интересах и Г, и, возможно, А³.

Заметим, дополнительно, что роль Г и А в предлагаемом Г совместном действии, так сказать, однородна, они выполняют одни и те же, в каком-то приближении, действия. Это отличает предложение₁ от предложения₂ и приглашения. Если я предлагаю₁ вам пойти в кино, то, в принципе, мы идем на равных, оба платим за себя и т. д., но если я приглашаю вас в кино, то я беру на себя обязанность обеспечить своими ресурсами ваше пребывание в кино — купить за свои деньги билеты, наши действия в этом случае различны.

Компонент собственно побуждения в предложении₁ ослаблен, редуцирован (как и в совете). Собственно акт предложения заключается в том, что Г **выдвигает на рассмотрение А (= сообщает ему)** для принятия к осуществлению **план, идею** будущего совместного действия, которое, по его мнению, будет хорошо и для него, и для А. Совместное действие Р следует сделать потому, что оно, по мнению Г, **хорошо и для Г, и для А**, то есть главной движущей силой здесь являются утилитарные соображения. Если А согласится, примет предложение, то это не потому, что Г побуждает его сделать

³ Здесь и далее мы не отмечаем очевидные, тривиальные условия успешности, уместности и искренности различных видов предложений, например, то, что Г и А / Г / А (по-разному для разных видов предложений) могут сделать Р (условие уместности), что Г намеревается в случае принятия предложения вносить свой вклад в осуществление Р (условие искренности), и т. д.

Р, а потому, что он сочтет Р хорошим / приятным / полезным и т. д. для себя. Поскольку главной побуждающей силой здесь являются интересы как Г, так и А, предложение₁ нейтрально с точки зрения этики и этикета (вежливости). Хорошо, правильно, вежливо, с точки зрения этики и этикета, делать то, что в интересах **другого** человека. Поскольку Р **и в интересах Г**, предложение совершить его не является вежливым (нейтрально по этому параметру), так как Г будет делать Р не для А, а для себя. Аналогично, отказ от предложения не является невежливым (в отличие от отказа выполнить просьбу) постольку, поскольку отказ обусловлен утилитарными соображениями: *Пойдем в кино! Сегодня показывают новую версию «Трех мушкетеров».* — *Да что в этом фильме интересного?! Давай лучше поедем купаться!; Давай поженимся! — Зачем? Нам и так хорошо! —* отказ мотивирован соображениями пользы и для А, и для Г, это и в интересах Г не идти в кино, не вступать в брак и т. д. Если, несмотря на форму предложения, по содержанию и контексту видно, что Р больше в интересах Г: *Давай сходим в кино! Мы так давно никуда не выходили!*, отказ может делаться не в форме утилитарных соображений (*А зачем нам куда-то ходить? Нам и дома хорошо!*), но вежливо через сообщение о невозможности совершения Р: *К сожалению, сегодня я занят.*

Предложение₁ совершается посредством высказывания, включающего перформативный глагол *предлагаю* (несколько официальный вариант): *Предлагаю пойти в кино.* Поскольку Р является совместным действием Г и А и роль Г и А одинакова, «однородна» (собственно, поэтому Р и является «совместным» действием), их можно объединить, обобщить в форме множественного числа. Соответственно, типичным средством выражения предложения₁ является форма (инклюзивного — включающего А) множественного числа глагола, с глаголом-частицей *давай(те)*: *Давай(те) пойдём в кино! Давайте петь!* или без таковой: *Пойдём(те) в кино! Пошли в кино!*

Предложение₁ может принимать форму вопроса: *Пойдем завтра в кино? Не пойти ли нам завтра в кино? Почему бы нам не пойти в кино?; А не выпить ли нам бутылочку доброго сухого вина? — вдруг от души предложил профессор* (В. Шукшин. Печкилавочки / НК); *Может, поедем домой?* Предложение в виде вопроса является неуверенным в том смысле, что Г сам не уверен, является

ли Р хорошим для него и А. Эта неуверенность проистекает из presupпозиции (исходного предположения) вопроса: Г не знает, Р или не Р, в данном случае, стоит или не стоит (= хорошо для Г и А или нет) сделать Р.

Одним из наиболее важных видов предложений₁ в жизни человека является предложение вступить в брак. Поэтому сочетание *сделать предложение* без конкретизации его вида понимается по умолчанию именно как предложение руки и сердца.

Предложение₁ является исходным пунктом и более сложной, составной процедуры, когда группой людей обсуждается и затем принимается какой-то план, программа, порядок каких-то совместных действий. В этих случаях в официальных мероприятиях употребляется, помимо перформатива *предлагаю*, -ем, безличная форма 3 лица *предлагается* и аналитический перформатив *есть предложение*: *Предлагается* следующая повестка нашего заседания...; *Есть предложение* принять следующую повестку дня; *Предлагаю избрать председателем нашего собрания И. И. Иванова*.

Предложение₂ совершается в следующей ситуации:

1) Р представляет собой действие Г.

Эта особенность в принципе вообще выводит этот РА за пределы побуждений. Р, которое предлагает Г, может быть его отдельным, самостоятельным действием: *Давай я для тебя станцию! Хочешь, я для тебя на голову встану / с моста прыгну? Хотите, я вас понесу?* (И. Грекова. На испытаниях / НК) (пусть это будет **предложение_{2а}**). Однако в типичном случае Р является **частью более общего действия Q**, которое, в случае принятия предложения и реализации предлагаемого Р, будет осуществляться **совместно Г и А**: *Давай я тебе завтра Москву покажу; Хочешь, я тебя свожу в зоопарк? (предложение_{2б})*. Это объединяет предложение₁ и предложение₂. Такого рода совместность очевидна в тех весьма частых случаях, когда Г предлагает **помочь** А-у в совершении какого-либо действия (по самому смыслу слов *помогать*, *помощь*): *Давайте я вам помогу донести чемодан; Позвольте я помогу вам! Предлагаю вам свою помощь; Могу я вам чем-нибудь помочь? Вам помочь?* и т. д. Однако, в отличие от предложения₁, роль Г и А в этом общем действии разнородна, что и не позволяет обычно как-то назвать, обозначить одним

словом это действие. С формальной точки зрения, предложение₁ и предложение₂ объединяются возможностью употребления частицы-глагола *давай(те)*: *Давайте я вам помогу*.

2) Р, возможно, предположительно, **в интересах А**, но **не в интересах Г!** Напротив, его совершение всегда наносит какой-то ущерб Г, поскольку, совершая Р, он потратит без пользы для себя какие-то свои ресурсы, как минимум, время и силы. Поэтому это **очень вежливый**, этикетный РА, как и **отказ от предложения**: вежливый А, понимая, с какими трудностями связано осуществление Р для Г, должен, для того чтобы проявить свою вежливость, от предложения отказаться: *Уже поздно, давайте я вас провожу. — Да что вы, не беспокойтесь, я прекрасно доеду на такси, да и как вы сами будете обратно возвращаться?* В подобных диалогах возможно своего рода соревнование в вежливости: Г предлагает Р, в душе надеясь, что А от его предложения откажется; А, хотя и хочет принять предложение, как вежливый человек отказывается, в душе надеясь, что Г как вежливый человек будет настаивать на своем предложении; Г как вежливый человек настаивает на своем предложении, и т. д., пока кто-нибудь не «проиграет» (или не выиграет, смотря как на это посмотреть).

Между предложением₁ и предложением₂ есть переходные случаи, которые при желании можно выделить в самостоятельные виды предложений. Например: *Давайте я проверю в лаборатории на кислотность*, — предложил я (Ю. Домбровский. Хранитель древностей / НК); — действие Г, но в интересах и Г, и А; аналогично: *Ну и хорошо*, — произнес Севастьянов, — *давайте я картошки отварю*. — *Ты бы еще нам каши предложил!* — сказал Шаблинский (С. Довлатов. Компромисс) — Г, внося свой вклад в организацию вечеринки (Q), картошку хочет сварить на всю компанию, в том числе и на себя. Другой переходный случай в примерах типа: *Хочешь, завтра сходим в кино?* Как и в предложении₂, Р здесь в интересах А, но не Г (что видно из употребления *хочешь* = *Если ТЫ хочешь*; что касается Г, то его интерес здесь никак не выражен); как и в предложении₁, действие совместное, роли Г и А в его выполнении однородны.

Следующий тип предложений внутренне, в свою очередь, неоднороден и может быть разбит на различные подтипы. Общее для

всех его разновидностей и позволяющее объединить его в один тип:

Предложение₃:

1) Р представляет собой **действие А**.

Подчеркнем, что это отличает предложение₃ от других видов предложений, где Р осуществляет Г или Г и А совместно, и объединяет с просьбами и советами и вообще всеми другими видами побуждения, что и определяет возможность выражения предложения₃ **формами повелительного наклонения**: *Выпейте чаю! Проходите, садитесь! Купите булочки!*

2) Г создал или может создать (= контролирует) возможность (= обеспечил или может обеспечить условия) для того, чтобы А сделал Р; без участия Г — в той или иной форме — А не может сделать Р.

По другим параметрам различные виды предложения₃ отличаются друг от друга.

Предложение_{3а}: *Предлагаю вам перейти к нам на работу; Предлагаем вам туры по Италии; Покупайте / Купите булочки!* и т. п.

3) Р в интересах и (предположительно) А, и Г.

Взаимная заинтересованность Г и А в Р сближает предложение_{3а} с предложением₁. Однако роли Г и А, в отличие от предложения₁, различны: собственно действие совершает А, а Г обеспечивает условия для его совершения. Так, если я предлагаю кому-то перейти к нам на работу, то это предполагает, что принять или не принять на работу А зависит от меня. Побуждающий компонент в предложении этого типа редуцирован: выполнение Р обеспечивается прежде всего интересом А в осуществлении Р, т. е. утилитарно, прагматически. Отсюда косвенное выражение предложения_{3а} через вопрос о том, нужно ли Р А-у: *Перекупщик билетов: Билеты на футбол нужны? Хозяин, дрова нужны?* (из анекдота) или же через сообщение (объявление) о том, что Г располагает тем, что может **заинтересовать** потенциального А предложения: *В магазин требуется охранник; зарплата 30 тысяч рублей, ежемесячная премия..., отпуск 45 дней, возможность ухода на пенсию в 55 лет* и т. д. Ср. шуточное предложение: *Молодая красивая блондинка без комплексов, рост 176 см,*

объем бедер 86 см, талия 61 см, купит вагон листового железа, где аргументы в пользу принятия предложения не соответствуют его буквальному смыслу и наводят на мысль о предложении совсем иного рода.

То, что Р (потенциально) хорошо для А, проявляется также в возможности выражения предложения_{3а} с помощью глагола *пригласить*₂ в перформативном употреблении: *Московский метрополитен приглашает на работу мужчин в возрасте до 35 лет, жителей Москвы или ближнего Подмосковья*. (Приглашают₁ участвовать в чем-то сугубо хорошем для А: праздничном обеде, походе в театр, кино, загородной прогулке и т. д.).

Понятно, что предложение_{3а} нейтрально с этикетно-этической точки зрения: А сделает, если сделает, Р для себя, но не потому, что хочет сделать что-то хорошее для Г.

К области предложения_{3а} относится обширная сфера предложения и рекламы товаров и услуг, причем в рекламе предложение, побуждение к совершению Р часто осуществляется в косвенной форме, причем не только речевой: *С работы и на работу летайте самолетами Аэрофлота!* (А. Вознесенский); *Покупайте / Приобретайте билеты спортивной лотереи! Курите сигареты «Прима»!* — косвенно, ... → ‘а следовательно, покупайте’ — иначе откуда их возьмешь?

Категорическое предложение. Предложение_{3а} континуально переходит в особый РА, который выражается перформативом *предлагаю, -ем, предлагается*, но в целом уже находится за пределами собственно предложений, как они были определены выше. Начало этой эволюции в примерах типа: *Вы окружены. Я предлагаю вам сдать*. Это очень близко к предложению_{3а}: Р — *сдаться* — действие А-а, но сдаваться он должен Г-му (или группе, в которую он входит), он будет «обеспечивать» это действие, принимать сдающихся. Нюанс, отличающий этот пример от типичного предложения_{3а}, в том, что выгода, польза для А действия Р в том, что иначе ему будет **плохо (хуже)**. Ср. более эксплицитное:

Предлагаю вам сдать по-хорошему; Повстанцы предложили сторонникам Каддафи сдать, угрожая в противном случае взять город штурмом.

Дальнейшее развитие связано с перемещением предложения в официальную сферу:

Предлагаем вам в трехдневный срок добровольно освободить незаконно занимаемое вами помещение. В противном случае мы будем вынуждены обратиться в суд; Повестка. На основании закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» предлагаю Вам 26 октября 1998 г. к 9.00 явиться в военный комиссариат города Дубны ... Военный комиссар города Дубны полковник Сорокин; С получением настоящей повестки вам предлагается в трехдневный срок явиться в органы внутренних дел по месту жительства...

Подобное предложение через угрозу санкций (эксплицитной или имплицитной: прокурор, военком и т. д. — официальные лица, располагающие возможностями «наказать») А в случае невыполнения Р) переходит в разряд категорического побуждения, не оставляющего А-у свободы выбора. Это как раз такое предложение, от которого нельзя отказаться. Мотивировка этого употребления, видимо, заключается, с одной стороны, в «смягчении» формы побуждения — действие представляется как такое, которое А выбирает по своей доброй воле, с другой, и это, наверное, основное, — другие перформативы в этих ситуациях не подходят. Приказ не «проходит», потому что Г и А не связаны членством в одной организации и отношениями ‘начальник’ — ‘подчиненный’, требование, покоящееся на чисто моральной силе, на деонтической необходимости для А сделать Р, не годится потому, что здесь часто нет никаких моральных, шире деонтических оснований требовать от А выполнения Р, а также потому, что в официальной иерархии Г стоит выше, чем А, в отличие от нейтрального в этом отношении требования.

Предложение₃₆ (первые два условия те же, что и в предложении_{3а}):

3) Р в интересах А, или, возможно, предположительно, в интересах А (**но не Г!**). Этим оно похоже на предложение₂, ср. объединение этих видов предложения в один тип в работе М. Я. Гловинской [1993б]. Однако в отличие от предложения₂ это **действие А!** Предложение₃₆ имеет место, например, в ситуациях, когда Г предлагает

Научное издание

Илья Борисович Шатуновский

**РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
И ДЕЙСТВИЯ МЫСЛИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Корректор О. Ланцова
Ведущий редактор Е. Андреева
Оригинал-макет и художественное оформление переплета
подготовлены Е. Андреевой

Подписано в печать 31.10.2016. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 30. Тираж 600 экз. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Phone: **(495) 624-35-92**. E-mail: **lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>**, **<http://www.lrc-lib.ru>**

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: **+7 (499) 255-77-57**, e-mail: **gnoxis@pochta.ru**
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4